

Фрэнк Перетти

ТЪМА ВЕКА СЕГО

Санкт-Петербург
2011

Originally published in English under the title:
THIS PRESENT DARKNESS
by Frank E. Peretti
Published by Crossway Books
Copyright © 1986 by Frank E. Peretti
ISBN 0-89107-390-6

Перетти Ф.

Тьма века сего / Пер. с англ. — СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2011. — 512 с.

ISBN 978-5-8445-0271-2

© Издание на русском языке. Издательский Дом «Христофор», 2011.

© Перевод на русский язык. Н. С. Жердева, 1994.

Все права защищены международным законодательством
об авторских правах.

*Потому что наша брань не против крови и плоти,
но против начальств, против властей, против
мироправителей ТЬМЫ ВЕКА СЕГО,
против духов злобы поднебесных.*

Послание к Ефесянам 6:12

Глава 1

Поздним воскресным вечером, когда серебристый свет полной луны тихо залил скоростное шоссе номер двадцать семь, на нем появились два незнакомца в простой рабочей одежде, необыкновенно высокие, никак не менее двух метров, сложенные ладно и крепко. Один из них был темноволосый, с выразительным лицом, второй — светловолосый атлет. Шоссе это вело в маленький университетский городок Аштон, и даже сюда, за километр от него, до них отчетливо доносились звуки праздничного веселья, которое царило по всему городу. Незнакомцы несколько мгновений внимательно прислушивались к доносившемуся шуму, а затем двинулись в путь.

Аштонский летний фестиваль был в самом разгаре. Раз в году городок захлестывала волна хаоса и легкомыслия. Этим праздником городок прощался, благодарил и звал обратно восемьсот студентов из Вайтмор-колледжа, отправлявшихся на долгожданные летние каникулы. Большинство студентов уже упаковало чемоданы, готовясь разъехаться по домам, но все тем не менее решили задержаться ради праздника: поучаствовать в карнавальном шествии, потолкаться на уличных дискотеках, развлечься на аттракционах и в дешевых кинотеатрах, заглянуть и в другие заведения, чтобы в конце концов как следует встряхнуться и хорошенько гульнуть. Этот праздник — время дикого веселья, когда всякий может напиться, а кто-то и забеременеть, кого-то изобьют или ограбят, кому-то суждено заболеть, — и все это в одну ночь.

Один из заботливых отцов города на своем участке в центре Аштона разрешил разбить луна-парк. Установили аттракционы, ларьки и передвижные туалеты, а странствующие актеры устраивали карнавальные представления. Проржавевшие карусели украсили веселыми разноцветными лампочками, что в вечерних сумерках делало их даже привлекательными. Они отчаянно тарахтели тракторными двигателями со снятыми глушителями, стараясь перекрыть грохот карнавальной музыки, звуки которой, возникая неизвестно откуда, довершали эту безумную какофонию. Был прекрасный теплый вечер, и толпы народа, жуя сахарную вату, слонялись по всему городу.

В центре луна-парка медленно вращалось колесо обозрения. Оно останавливалось, чтобы взять новых желающих, и неторопливо делало несколько оборотов, позволяющих сполна насладиться зрелищем города с высоты птичьего полета. Пестро украшенные, ярко светящиеся карусели крутились, облупленные безногие лошади важно покачивались под звуки хриплой шарманки. Гости карнавала вовсю швыряли мячи в корзинки, а мелочь в коробки, стрелы в воздушные шары, а деньги на ветер... Этому безудержному веселью предавались на всей аллее длинного ряда тесно поставленных шатких балаганов, где назойливые зазывалы каждому проходящему выкрикивали: «Попробуйте удачу!»

Незнакомцы, стоя в людском водовороте, приглядывались к происходящему, удивляясь тому, как может городишко в двенадцать тысяч жителей, включая студентов, превратиться в такую бесконечную кишашую массу. Обычно спокойные горожане, к которым присоединились заезжие искатели приключений, превратились в безумную орду, запрудившую улицы и переулки, заполнившую магазины и ресторанчики... Стоянки автомашин в городе были забиты до отказа. Все было дозволено, ничто не считалось противозаконным. И хотя полицейские не сидели ни минуты без дела, но на каждого задержанного хулигана, пьяного и вора, уже надежно закованных в наручники, приходились десятки нарушителей порядка, по-прежнему бесчинствующих по всему городу. Фестиваль, достигший в этот вечер своего апогея, походил на тайфун, который невозможно было укротить. Оставалось только ждать, когда он сам пронесется мимо, чтобы потом убирать, разгребать и чистить.

Двое пришельцев медленно продвигались сквозь плотно забитое людьми пространство, прислушиваясь к разговорам и внимательно наблюдая. Город вызывал у них любопытство, они не спеша рассматривали его, осторожно оглядываясь по сторонам. Толпа вращалась вокруг них, как белье в стиральной машине, перетекая с одной стороны улицы на другую, создавая непредсказуемый бесконечный круговорот. Незнакомцы продолжали всматриваться в толпу. Они явно кого-то искали.

— Здесь, — наконец уверенно проговорил темноволосый.

Незнакомцы одновременно увидели девушку. Она была молоденькая и очень хорошенькая, но выглядела совершенно рас-

терянной. Держа в руках фотокамеру, она потерянно оглядывалась по сторонам.

Пришельцы поспешили протиснуться вперед и встали с ней рядом. Девушка их не замечала.

— Ну-ка, посмотри туда, — властно произнес темноволосый.

С этими словами он положил руку на плечо девушки и повел ее к палатке, стоящей посреди балаганов. Она прошла прямо по газону, засыпанному мусором, к открытому стенду, где соревновались юнцы, бросая стрелы в воздушные шары. Однако вовсе не это заинтересовало девушку, ее внимание привлекли несколько фигур, укрывшихся в тени палатки. Держа фотоаппарат наготове, она осторожно сделала еще несколько шагов и быстро поднесла камеру к лицу.

В ту же секунду, как фотовспышка осветила деревья за стендом, двое пришельцев уже спешили к следующему месту встречи.

Шагая в ногу и нигде более не задерживаясь, незнакомцы поспешно пересекли почти весь город, направляясь в район, расположенный в километре от центра. Они дошли до конца Поплар-стрит и стали подниматься на Морган-Хилл. Прошло совсем немного времени, как они уже стояли перед маленькой белой церковью, окруженной аккуратно подстриженным зеленым газоном. Прямо у входа бросалась в глаза нарядная доска объявлений с расписанием часов занятий воскресной школы и богослужений. В самом верху доски помещалось название церкви: «Аштон Комьюнити», а ниже черными косыми буквами поверх прежней надписи стояло имя пастора: «Генри Л. Буш».

Пришельцы огляделись. С высокого холма весь город был как на ладони. На западе поблескивали карамельными огоньками аттракционы луна-парка, на востоке высились помпезные здания университетского городка Вайтмор-колледжа. На шоссе двадцать семь, которое при въезде в город превращалось в главную улицу — Майн-стрит, расположились лучшие магазины, бетонная громадина супермаркета «Сирс», несколько конкурирующих бензоколонок, торговый дом хозяйственных товаров, редакция местной газеты и несколько офисов частных фирм. Со стороны городок выглядел типично американским: невинным, маленьким и безобидным, будто сошедшим с картин Норманна Рокуэлла.

Однако пришельцы могли видеть не только то, что было доступно человеческому глазу. Даже здесь, на холме, их дух и сознание явственно ощущали тяжесть истинного состояния Аштона. Они чувствовали неотступное, сильное, все возрастающее, хорошо продуманное и целенаправленное наступление зловещей опасности.

Незнакомцам нередко приходилось расспрашивать, размышлять и расследовать, ведь это было частью их дела. Поэтому для обоих было естественно задаться вопросом: «Почему именно здесь?»

Однако времени на раздумья у них не было. Пришельцы уловили явные сигналы опасности, были ли этому причиной их особая сверхчувствительность или инстинкт, реагирующий на едва уловимую угрозу, но что-то заставило их моментально скрыться за углом церковного здания и слиться в темноте с шершавой штукатуркой стены. Они замерли в полном молчании, всепронизывающим взглядом зорко наблюдая за чем-то, приближающимся к зданию.

Перспектива тихой ночной улицы казалась коллажем лунного света и кобальтово-синих непроницаемых бездонных теней. Одна из них вела себя необычно: она не колебалась от ветра, подобно теням деревьев, и не была неподвижной, как тени домов, нет, — она кралась вдоль улицы, приближаясь к церкви, мелко дрожа при каждом осторожном шаге. Казалось, эта тень поглощала в себя весь свет, все освещенное пространство, встречающееся на ее пути, как будто была черной бездонной дырой. Однако эта странная тень имела форму, форму какого-то живого существа, и чем ближе она продвигалась к церкви, тем явственнее был различим скрежет когтей, царапающих мостовую, и тихий шелест тонких перепончатых крыльев.

Хотя у существа имелись и руки и ноги, но, похоже, оно передвигалось без их помощи. Оно пересекло улицу и затем поднялось по ступеням церковной лестницы. Его похотливые выпученные глаза отражали свет луны, который смешивался с их собственным желтым блеском. Бугристая голова возвышалась над вздернутыми плечами, зловонный красноватый дым с шипением струился сквозь ряды острых мелких клыков.

Существо то ли посмеивалось, то ли кашляло: шипящий звук, поднимавшийся из глубины глотки, был похож на

то и другое одновременно. Распрямившись, оно встало на ноги, оглядываясь в царящей вокруг тишине. Его черная, как у летучей мыши, пасть скривилась в ухмылке, превратившей морду мерзкого создания в отвратительную маску смерти.

Страшилище подобралось к самой двери. Черная рука прошла сквозь нее легко, как сквозь воздух. Тело подалось вперед и стало просачиваться сквозь дверь, но успело продвинуться только наполовину.

Внезапно жуткое существо отпрянуло назад, наткнувшись на какую-то преграду, и, описав в воздухе дугу, кубарем скатилось с лестницы. Пар его дыхания прочертил красную спираль в ночном воздухе.

С жутким воплем бешенства и возмущения омерзительное чудовище поднялось с тротуара и уставилось на дверь, которая повела себя необычно, не дав существу проникнуть внутрь. Перепонки крыльев у него за спиной задрожали, начиная расправляться под напором воздуха, и мерзкое создание с ревом стремительно ринулось головой на дверь, проскочило сквозь дверь, пронеслось по вестибюлю и врезалось прямо в облако ослепительно белого света.

Существо вскрикнуло и в страхе закрыло глаза, а затем почувствовало, как тяжелая, могучая рука сдавила его, словно клещами. И в то же мгновение страшилище вышвырнули вон, и оно тряпичной куклой вылетело на улицу.

Но гнусное исчадие развернулось и вновь кинулось на дверь. Крылья судорожно бились и трещали, красные испарения с шипением клубами вырывались из ноздрей. Острые когти были выпущены для атаки, и жуткий вой, подобный вою сирены, раздирает его глотку. Как стрела в цель, как пуля в мишень, чудовище врезалось в дверь — и ощутило, как его внутренности разрываются на части.

Взрыв, удушливое зловоние, последний крик, судорожный взмах ног и рук — и все исчезло. Не осталось ничего, кроме воющего серного облака да двух пришельцев, неожиданно оказавшихся уже внутри церкви.

Светловолосый вложил в ножны сверкающий меч. Окружающий его белый свет медленно угасал.

— Дух преследования? — спросил он.

— А может, сомнения или страха. Кто знает? — пожал плечами его спутник.

— И, по-моему, один из самых *незначительных*.

— Да, никогда не встречал такого слабого.

— Я тоже. И сколько же тут бесов, как ты думаешь?

— Больше, чем нас, намного больше. Они повсюду и не тратят зря время.

— Я это знаю, — вздохнул светловолосый атлет.

— Но что они тут делают? Мы никогда не видели такого скопления демонов, по крайней мере здесь.

— Ничего, думаю, причина скоро откроется, — светловолосый посмотрел прямо сквозь дверь, ведущую из вестибюля в зал церкви. — Давай-ка взглянем на мужа Божьего.

Они направились по узкому вестибюлю в зал. На находящейся здесь доске объявлений можно было прочесть призыв к сбору продуктов для нуждающейся семьи, приглашение присмотреть за детьми и просьбу молиться за больного миссионера. Было здесь и написанное крупными буквами напоминание о собрании членов церкви в следующую пятницу. На другой стене висел отчет о сборе пожертвований, которые значительно уменьшились за последнюю неделю, так же, впрочем, как и число прихожан: с шестидесяти одного до сорока двух.

Пришельцы пошли по наклонному узкому проходу вдоль опрятных рядов темно-коричневых деревянных скамей в переднюю часть зала, где слабый свет софита освещал скромный крест над баптистерием. В середине подиума, покрытого сплошным потертым ковром, находилась маленькая кафедра с лежащей на ней открытой Библией. Обстановка была простой, скорее практичной, чем элегантной, что свидетельствовало то ли о непритязательности, то ли о скупости прихожан.

Затем незнакомцы услышали тихие звуки: глухие, сдвоенные рыдания, доносившиеся со скамьи первого ряда. Там стоял на коленях молодой человек. «Даже слишком молодой и легкоранимый», — подумал в первое мгновение светловолосый. Юноша был погружен в глубокую искреннюю молитву. Он крепко сжал руки и склонил голову на жесткую скамью. Его лицо являло собой картину скорби, любви и боли. Губы беззвучно шевелились: молитвы и славословие струились вместе с потоками слез. Пришельцы остановились возле молодого

человека и стали внимательно наблюдать за ним, обдумывая и взвешивая происходящее.

— Божий воин, — произнес темноволосый.

Его спутник тихо ответил, скорее обращаясь к самому себе, не сводя глаз с убитого горем, сокрушающегося молодого человека:

— Да, это он, я не сомневаюсь в этом. И даже сейчас молится. Этот воин стоит перед Господом за людей, за весь город...

— Он проводит тут почти каждый вечер.

Высокий улыбнулся:

— Ну, значит, этот человек не так уж слаб.

— Но ведь он — единственный. Он совершенно один.

— Нет, — покачал головой высокий, — есть и другие. Всегда есть кто-то еще. Нужно только разыскать их. Его одинокая неустанная молитва — только начало.

— Но ведь у юноши будут неисчислимые трудности, ты прекрасно знаешь.

— Журналиста тоже ждут испытания. Да и у нас их будет немало.

— Но мы победим?

Глаза светловолосого снова загорелись.

— Мы будем сражаться.

— Да, мы будем *сражаться*, — эхом отозвался его друг.

Они встали с обеих сторон коленопреклоненного человека. И в то же мгновение комната медленно, подобно распускающемуся цветку, стала наполняться белым светом. Он осветил крест на задней стене и постепенно проявил цвет и фактуру каждой детали на скамьях, и прежде скромные, почти убогие предметы алтаря ожили и засветились неземной красотой. Стены блистали, потертые ковры запыхали пестрым пламенем, маленькая кафедра с резко очерченными контурами теперь казалась высокой и величественной, как воин на посту. Теперь и сами пришельцы светились белым сиянием. Их одежда превратилась в блестящие ризы, казавшиеся пылающими в ослепительно ярком свете. Бронзовые лица сияли, а глаза горели огнем. У каждого на золотом поясе висел меч в сверкающих ножнах.

Они возложили руки на плечи молодого человека. И за их спинами начали распрямляться атласные, почти прозрачные

крылья, которые, словно великолепный балдахин, поднимались над их головами, соприкасаясь и медленно колыхаясь в потоках духовного ветра.

Они посылали мир своему молодому подопечному, и его слезы начали понемногу иссыхать.

«Аштон Клариион» была типичной газетой маленького провинциального городка: небольшого формата, скромной, временами не слишком организованной и несколько старомодной. Другими словами, она была печатным, черным по белому, отражением состояния самого Аштона. Редакция находилась на деловой Майн-стрит в одноэтажном доме с окнами во всю стену и тяжелой, обшарпанной дверью с щелью для почты. Газета выходила два раза в неделю, по вторникам и пятницам. Дела ее шли не блестяще. При первом же взгляде на редакцию можно было легко понять, что средств у газеты явно не хватает.

В передней части здания располагались контора и отдел новостей. Здесь находилось три письменных стола, две пишущие машинки, пара корзин для мусора, два телефона и электрокофеварка без шнура. Казалось, будто рукописи, листы, обрывки бумаги, канцелярские принадлежности занесло сюда случайным ветром из редакций всего света. Старая потертая невысокая перегородка, невесть как попавшая сюда с какого-то заброшенного вокзала, отделяла рабочую часть редакции от приемной. И, конечно же, над дверью висел маленький колокольчик, слабо дребезжавший при входе и выходе каждого посетителя.

Позади всего этого хаоса, называемого «рабочей обстановкой», взору неожиданно являлось потрясающее великолепие, которое подходило по меньшей мере редакции большого города: застекленная контора редактора. Это было и впрямь смелым нововведением. Главный редактор, владеющий «Клариион», до недавнего времени был репортером одной из ведущих газет Нью-Йорка, и иметь кабинет со стеклом во всю стену было мечтой его жизни.

Нового редактора и хозяина газеты звали Маршалл Хоган. Это был сильный, зрелый и напористый человек, которого его сотрудники: и наборщик, и секретарша, которая писала статьи и собирала объявления, и выпускающий редактор, и репортер, а заодно и обозреватель «Клариион», то есть абсолютно вся ма-

ленькая редакция, — любовно называли «Аттила де Хоган», подразумевая его физические и душевные качества. Он купил эту газету несколько месяцев назад. Энергия и напористость журналиста большого города разительно контрастировали с безмятежным существованием сотрудников редакции, что время от времени приводило к неизбежным конфликтам. Маршалл стремился придать газете настоящий размах, сделать ее более интересной и организовать работу так, чтобы всему было свое время и все находилось на своем месте. Но перебраться из «Нью-Йорк Таймс» в «Аштон Кларион» было все равно что попасть в сонное царство. В этой маленькой редакции все делалось не спеша. Так что неумная энергия Маршалла наталкивалась на собирание кофейной гущи для компостной кучи в саду секретарши или ликование по поводу того, что кто-то наконец принес долгожданную статью на волнующие общественные темы, напечатанную на листах, запачканных пометом волнистого попугайчика.

Но, как и всегда, по утрам в понедельник работа шла полным ходом, не давая времени на раскачивание после уик-энда. Очередной номер нужно было срочно довести до готовности, и весь персонал находился в состоянии преддровых схваток. Сотрудники редакции безостановочно сновали между своими рабочими местами и корректорской, находившейся в глубине редакции. Руки их были заняты всевозможными бумагами: монтажными листами, статьями и объявлениями, которые нужно было срочно набрать, свежими гранками и клише всевозможных размеров и видов, предназначенными для иллюстрации новостей.

В ярком свете ламп, в редакционном шуме и суете, над макетным столом склонились Маршалл и Том, ответственный редактор. Они собирали предстоящий номер «Кларион» из отдельных разлетающихся во все стороны кусочков текста и вырезок: это подходит сюда, а это нет, нужно перенести на другую страницу. Этот материал занимает слишком много места, а чем заполнить пустоты? Маршалл начал раздражаться. Подобная история повторялась каждый понедельник и четверг.

— Эди! — крикнул он, и его секретарша тотчас откликнулась:

— Иду!

Сотый раз он говорил ей:

— Гранки должны лежать в корзинке на столе, а не просто на столе, и не на полу, и не...

— Я и не кладу их на пол! — запротестовала Эди, спеша в редакторскую с кипой свежих гранок в руках. Эди была решительной, маленького роста женщиной лет сорока, обладающей всеми необходимыми качествами для того, чтобы противостоять натиску бесцеремонного Маршалла. Она лучше, чем кто бы то ни было, и прежде всего лучше своего нового шефа, знала, где, в каком месте найти ту или иную вещь.

— Я положила страницы в твои маленькие симпатичные корзиночки точно так, как ты просил.

— А как тогда они оказались на полу?

— Ветер сдул, Маршалл, ветер, и не мне тебе говорить, откуда *он* взялся!

— Ладно, шеф, — прервал их Том, — сейчас готовы третья, четвертая, шестая и седьмая страницы. А как с первой и второй? Что делать с пустыми полосами?

— Тут мы поместим захватывающий репортаж Бернис о фестивале с потрясающими снимками, как только она отклеится от своего стула и принесет нам материал. Эди?

— Слушаю!

— Честно говоря, Бернис запаздывает на целый час! Позвони ей еще разок!

— Только что звонила. Никакого ответа.

— С ума сойти!

Их прервал Джордж, человек маленького роста, уже на пенсии, продолжавший, однако, работать наборщиком. Он откашлялся на стуле от компьютера и предложил:

— Может, подойдет материал о пикнике женского комитета? Я как раз его заканчиваю, и фотография миссис Мармазель достаточно пикантна, чтобы дать повод для открытия судебного дела.

— О-о-о... — простонал Маршалл, — прямо на первой полосе! Только этого не хватало, чтобы окончательно испортить нашу репутацию.

— Ну, так что теперь будем делать? — спросила Эди.

— Был кто-нибудь на фестивале?

— Я ходил на рыбалку, — ответил Джордж. — Этот фестиваль для меня слишком бурный.

— А мне жена не разрешила, — вставил Том.

— Я видела кое-что, — откликнулась Эди.

— Садись и пиши, — приказал Маршалл. — Это самое большое событие года в нашем городе, должны же мы как-то отреагировать.

Зазвонил телефон.

— Спасена ударом гонга? — произнесла с надеждой Эди, поднимая трубку. — «Кларион». Доброе утро! — Внезапно лицо ее просветлело: — Привет, Бернис! Куда ты запропастилась?

— Ну, где она там? — нетерпеливо потребовал ответа Маршалл.

Эди слушала, и лицо ее вытягивалось от удивления:

— Да... ну, успокойся... да, конечно... не огорчайся, мы тебя вытащим.

— Ну, так куда она подевалась? — раздраженно фыркнул Маршалл.

— Она арестована и находится в полиции, — ответила Эди и посмотрела на него с явным укором.

Глава 2

Маршалл торопливо спустился в подвал здания Аштонского суда и остановился перед металлической дверью тюремного отделения. У него сразу же возникло неистребимое желание заткнуть и нос, и уши. Вонь и шум, доносящиеся из переполненных камер, немногим отличались от запахов и какофонии вчерашнего фестиваля. По дороге в полицию он поразился, насколько тихими были улицы города в это утро. И не удивительно: вся суматоха переместилась сюда, в несколько камер-клеток, замурованных в холодный, со следами облупившейся краски, отдающий эхом бетон. Здесь была собрана целая коллекция из наркоманов, пьяниц и хулиганов, которых полиции удалось арестовать на улицах накануне. Это напоминало битком набитый зверинец. Часть заключенных чувствовала себя как дома, сражаясь в покер засаленными картами на сигареты или стараясь перещегоолять друг друга рассказами о своих «подвигах». В дальнем конце помещения несколько юнцов выкрикивали непристойности в сторону камеры, набитой проститутками, для которых не потрудились найти более подходящего места. Другие просто сбились в угол, все еще пьяные или совершенно подавленные происшедшим. Несколько человек, заметив Маршалла, тотчас, злобно глядя сквозь толстые прутья решетки, начали клянчить у него сигареты, попутно понося его на чем свет стоит. Хоган порадовался, что оставил Кэт наверху.

Джимми Данлоп, новый помощник шерифа, как верный страж, сидел за столом дежурного. Он заполнял бланки, потягивая крепкий кофе.

— Здравствуйте, мистер Хоган, — сказал он. — Вы все-таки сюда спустились.

— Я не мог больше ждать... И я *не собираюсь* торчать здесь вечно, — огрызнулся Маршалл.

Он чувствовал себя прескверно. Это был его первый фестиваль, который уже сам по себе был отвратителен, но Маршалл никак не предполагал, что для него он будет иметь такое безобразное, мучительное продолжение. Он стоял у стола, наклонив вперед свое большое тело, всей своей позой подчеркивая охватившее его нетерпение.

- Ну, — произнес он требовательно.
- Что?
- Я пришел вытащить отсюда своего репортера.
- Да, конечно, я знаю. Есть у вас разрешение?
- Слушай! Я только что внес этим идиотам наверху залог.

Они должны были тебе позвонить.

— Никто мне не звонил, к тому же мне нужно разрешение на выдачу.

— Джимми...

— Что?

— Ты забыл положить трубку на рычаг.

— Ох...

Маршалл с такой силой швырнул трубку на место, что телефон звякнул от боли.

— Звони им.

Выпрямившись, Хоган молча наблюдал, как Джимми набирал неверный номер. Потом полицейский повторил свой «фокус», пытаясь дозвониться. «Этот тип прекрасно вписывается в этот городишко, — думал Маршалл, нервно проводя рукой по рыжим с проседью волосам. — Хотя все же приятный городок. Маленький, легкомысленный, похож на нескладного подростка, который постоянно попадает впросак. Впрочем, и с большими городами дело обстоит не лучше».

— Мистер Хоган, — спросил Джимми, зажав трубку ладонью. — С кем вы говорили наверху?

— С Кинни.

— Сержанта Кинни, пожалуйста.

Маршалл начал терять терпение:

— Дай мне по крайней мере ключ от решетки. Должна же она знать, что я здесь.

Джимми протянул ему ключ. Сержанту уже приходилось сталкиваться с Маршаллом Хоганом.

Насмешливые приветствия градом посыпались из камер вместе с пустыми сигаретными пачками. Маршалл старался как можно быстрее найти нужную ему камеру.

— Эй! Крюгер, я знаю, что ты где-то тут!

— Иди сюда, Хоган, помоги мне выбраться! — послышался раздраженный и полный отчаяния женский голос в дальнем конце отделения.

— Подними руку и помаши мне, что ли, дай какой-нибудь знак!

Из плотной массы тел сквозь решетку камеры протиснулась рука и отчаянно замахала. Маршалл подошел, успокаивающе похлопал по ней и оказался лицом к лицу с Бернис Крюгер, своим лучшим журналистом, превосходным репортером, а сейчас птицей-невольницей в тюремной клетке. Это была привлекательная молодая женщина лет двадцати пяти, с растрепанными темными волосами, в очках с массивной стальной оправой, сильно запачканных. Ясно было, что она провела тяжелую ночь с дюжиной других женщин, в большинстве профессиональных проституток. Некоторые из них были старше ее, другие — шокирующе моложе. Маршалл не знал, смеяться ему или ругаться.

— Не нахожу слов, ты выглядишь ужасно, — сказал он.

— Соответствует моей профессии. Видал, куда меня запи-хали?

— Да, да, она такая же, как мы, — заметила из камеры крепко сложенная девушка.

Маршалл строил гримасу и покачал головой.

— С какими же вопросами ты к ним вчера приставала?

— Мне сейчас не до шуток. Ни один анекдот о том, что произошло вчера вечером, меня не рассмешит. У меня внутри все кипит. Эта затея с репортажем была просто унижительной.

— Но послушай, должен же был *кто-нибудь* написать о фестивале.

— Наши предположения оправдались, как говорится, нет ничего нового под солнцем, в данном случае под луной тоже.

— Тебя арестовали... — попробовал он наладить разговор.

— Чтобы преподнести читателям скандальную историю. О чем же еще можно было писать?

— Ну, так прочти мне, что тебе удалось накропать?

Испанка в дальнем углу камеры оборвала их разговор:

— Она попала не в свою тарелку.

Изо всех камер послышались насмешки и громкий смех.

— Я требую, чтобы меня выпустили! — взвилась Бернис. — Ты что, в землю врос? Сделай же что-нибудь!

— Джимми разговаривает с Кинни по телефону. Я внес залог. Сейчас мы тебя вытащим.

Бернис притихла, стараясь взять себя в руки, и приступила к отчету:

— Отвечая на твой вопрос, скажу, что я старалась собрать материал прямо в луна-парке: сделать несколько потрясающих снимков, взять сногшибательное интервью, записать, что говорят люди... да мало ли еще *что*. Думаю, Нэнси и Розы, — она кивнула в сторону двух молодых женщин, очень похожих на близняшек, и те улыбнулись Маршаллу, — с удивлением глядели, как я слоняюсь с растерянным видом. Они заговорили со мной, и хотя наш разговор не обещал ничего интересного для печати, зато доставил нам массу проблем. Нэнси сделала недвусмысленное предложение переодетому в штатское полицейскому, и нас всех накрыли.

— Я думаю, что со временем у вашей журналисточки это тоже стало бы отлично получаться, — грубовато пошутила Нэнси, за что и получила от Розы игривый шлепок.

— Но разве ты не показывала ему свое удостоверение или пресс-карту? — раздраженно спросил Маршалл.

— Он меня даже не слушал. Я ему сказала, кто я такая.

— Может, он не расслышал? Слушал он ее? — обратился Маршалл к девушкам.

Они только пожали плечами, но Бернис, перейдя на фальцет, закричала:

— Ну что, так, по-твоему, достаточно громко? Именно так я вчера кричала, когда он надевал на меня наручники!

— Добро пожаловать в Аштон!

— Ну погоди же! Дай мне только выбраться отсюда, уж я постараюсь снять с него полицейскую бляху!

— Не марай руки. — Хоган протестующе поднял ладонь, чтобы предотвратить дальнейшую бурю. — Послушай, все это не стоит твоих переживаний.

— А это зависит от того, с какой стороны поглядеть!

— Бернис...

— Мне бы очень хотелось написать кое о чем, полосы на четыре. Об этом фараоне и о его безнадежном кретине-начальнике. Кстати, где он?

— Ты имеешь в виду Бруммея?

— У него удивительная способность исчезать. *Он-то* знает, кто я такая. Где он?

- Не знаю, я его утром не застал.
- А вчера он повернулся ко мне спиной!
- Что?

Внезапно Бернис осеклась, но по ее лицу Маршалл сразу понял, что она хотела сказать: не забудь спросить меня об этом после.

В эту секунду отворилась решетка тюремного коридора, и к ним направился сержант Данлоп.

— Ладно, поговорим об этом позже, — произнес Маршалл. — Все в порядке, Джимми?

Полицейского тоже встретили градом насмешек, воплями и диким смехом, так что ответил он не сразу. Но у него был ключ от камеры, и этого было достаточно.

— Отойдите от двери, — приказал сержант.

— Эй, там, может, переменишь тон? — Такой примерно ответ получил он, однако пространство у дверной решетки освободили. Джимми открыл ее, Бернис выскользнула, и клетка снова захлопнулась.

— Значит, так, — сказал полицейский, — тебя отпускают под залог. Когда нужно будет явиться в суд, тебя известят.

— Верните мне сумку, пресс-карту, блокнот и фотокамеру, — прошипела Бернис и двинулась к выходу.

Наверху, в вестибюле суда, Кэт Хоган, грациозная рыжеволосая женщина, всегда полная достоинства, пыталась хоть чем-то заполнить время ожидания. По окончании фестиваля здесь было на что посмотреть, хотя, по правде говоря, зрелище не из приятных: несколько разбушевавшихся человек, сопровождаемых полицейскими, входили, сражаясь с наручниками и грязно ругаясь, а вернее сказать, их бесцеремонно заталкивали в вестибюль. Другие, наоборот, выходили на свободу после ночи, проведенной за решеткой. Картина напоминала смену рабочих на какой-то странной фабрике. Первая смена растерянно покидала здание, неся свои скудные пожитки в маленьких бумажных пакетах. Вторая смена, в наручниках, отчаянно сопротивлялась. Большинство полицейских были чужаками, прибывшими из соседних городков для подкрепления малочисленной команды Аштона. За дружелюбие и вежливость им не платили.

За большим столом, заваленным ворохом бумаг, сидела женщина с двойным подбородком. Рядом с ней в пепельнице дымилось сразу две сигареты, но у нее не хватало времени затянуться из-за бумаг, которые надо было оформить на каждого поступающего и выбывающего. По мнению Кэт, тут было слишком много беспорядка и суматохи. Несколько дешевых адвокатов раздавали свои визитные карточки. Однако ночь, проведенная в тюрьме, послужила серьезным наказанием для большинства, и теперь у них было только одно желание — поскорее убраться подальше от злополучного города.

Кэт бессознательно покачала головой. Подумать только, бедняжка Бернис попала в загон со всеми этими подонками. Она, должно быть, вне себя от возмущения.

Почувствовав на талии сильную ласковую руку, она прильнула к мужу.

— О-о-о... Какая приятная перемена.

— После того, что я насмотрелся внизу, — сказал Маршалл, — мне необходимо прийти в себя.

Кэт притянула его к себе.

— И что же, так бывает каждый год?

— Нет, с каждым годом все хуже.

Кэт опять покачала головой, и Маршалл прибавил:

— Но на сей раз «Кларион» выскажет свое мнение. Аштон должен изменить курс, пора это наконец-то понять.

— Как Бернис?

— Ну, из нее в скором времени получится классный журналист. С ней все в порядке, она выжила.

— Собираешься ли ты поговорить с кем-нибудь о случившемся?

— Альфа Брумеля нет на месте. Он достаточно хитер. Но я его сегодня поймаю, и тогда посмотрим, что можно сделать. И потом, я хочу получить назад мои двадцать пять долларов.

— Уверена, что он очень занят. Не хотела бы я быть шерифом в такой день, как сегодня.

— Он еще меньше этого захочет, когда я до него доберусь.

Отрывисто стуча каблуками, в вестибюле наконец появилась Бернис. Ночь, проведенная взаперти, оставила глубокий отпечаток на ее лице. В руках у нее тоже был бумажный пакет, в котором она с раздражением копалась, проверяя, все ли на месте.

Кэт протянула руки, чтобы обнять и утешить девушку.

— Бернис, как ты себя чувствуешь?

— Скоро все узнают, кто такой Бруммель, да и мэру не поздоровится, а эту полицейскую рожу я так пропечатаю — язык не повернется произнести. Я вне себя от возмущения. Меня тошнит от всей этой истории. Не знаю, удастся ли отмыться от этой грязи, но мне просто необходимо принять ванну.

— Конечно, конечно, — быстро согласился Маршалл. — Но сначала настучи-ка это на машинке, придави им хвост. Отчет о фестивале должен попасть в завтрашний номер.

Бернис, осторожно порывшись в кармане, вытащила скотканную ленту туалетной бумаги и выразительным жестом протянула ее Маршаллу.

— Твой лучший репортер всегда на службе, — сказала она. — А что же там еще делать, как не разглядывать надписи на стенах и стоять в очереди в туалет. Думаю, что ты найдешь тут весь отчет, в красках. И потом, я взяла интервью у соседок по камере для приправы. Кто знает? Может, удастся заставить этот город задуматься о том, куда он катится!

— А фотографии? — спросил Маршалл.

Бернис протянула ему кассету с пленкой:

— Уверена, здесь ты найдешь что-нибудь подходящее. У меня есть еще несколько кадров, но они представляют для меня личный интерес.

Маршалл улыбнулся. На него это произвело впечатление.

— Даю тебе сегодня отгул, а завтра все будет выглядеть иначе.

— По крайней мере ко мне вернется профессиональная активность.

— И ты будешь лучше пахнуть.

— Маршалл! — вмешалась Кэт.

— Ничего, — заметила Бернис, — он всегда так со мной разговаривает. — Она вытащила наконец из пакета сумку, пресскарту, фотокамеру и, скомкав, швырнула пустой пакет в мусорную корзину.

— А что с моей машиной?

— Кэт пригнала ее сюда, — объяснил Маршалл. — Если ты согласишься подбросить ее домой, то окажешь мне большую услугу. У меня остались кое-какие дела в редакции, а потом я постараюсь поймать Бруммеля.

Эти слова напомнили Бернис что-то важное.

— Да, Бруммель! Я должна тебе сказать кое-что.

Она потянула Маршалла в сторону, не дав ему времени опомниться, и он, послав Кэт извиняющийся взгляд, очутился зажатым в углу возле туалетных комнат. Оттуда ни главного редактора, ни его корреспондента не было видно.

Бернис понизила голос:

— Если ты собираешься сегодня добраться до Бруммеля, ты должен знать то, что знаю я.

— Кроме того, что уже ясно: он трусливый кретин?

— Да, кроме этого. Пока у меня есть только несколько отдельных наблюдений, но, может быть, в один прекрасный день все станет понятным. Ведь ты учишь всегда замечать все детали? Думаю, что я видела твоего пастора вместе с Бруммелем вчера на фестивале.

— Пастора Янга?

— Пастора церкви «Аштон Юнайтед Крисчиан», председателя местной пасторской коллегии, сторонника религиозной терпимости и противника насилия над животными. Так ведь?

— Да, все верно.

— Но ведь Бруммель посещает не вашу церковь?

— Нет, он член маленькой церквушки на горе.

— Они стояли позади одной из палаток, в полутьме. С ними было еще три человека: светловолосая женщина средних лет, коротконогий толстяк и черноволосая выдра в солнцезащитных очках, похожая на привидение. Представляешь: в черных очках! *Ночью!*

На Маршалла это пока не произвело никакого впечатления. Бернис настойчиво продолжала говорить:

— Я думаю, что совершила роковую ошибку, когда попыталась их сфотографировать. Я сделала снимок, и, судя по всему, им это пришлось не по вкусу. Бруммель ужасно перепугался и даже начал заикаться. Янг, мягко выражаясь, попросил меня убраться подальше, сказав: «Это частная встреча». Толстяк отвернулся, а «привидение» уставилось на меня с открытым ртом.

— А теперь представь, как ты отнесешься ко всему, что произошло, после того как примешь ванну и отоспишься.

— Дай мне только договорить до конца, а тогда посмотришь, ладно? Сразу после этого на меня наскочили Розы и Нэнси.

Я имею в виду, что не я к ним подошла, а они ко мне. И сразу же меня арестовали и отобрали фотоаппарат.

Она видела, что до Маршалла не доходит. Он нетерпеливо оглянулся и сделал шаг в сторону вестибюля.

— Ну, хорошо, хорошо, еще одно, — настаивала Бернис, пытаясь его удержать. — Бруммель был там, Маршалл, и он все видел.

— Что — все?

— Как меня арестовывали! Я старалась втолковать полицейскому, кто я такая, и показать удостоверение, но он выхватил у меня сумку и камеру и надел на меня наручники. Я снова оглянулась на палатку и увидела, что Бруммель следит за нами. Он тут же исчез, но я клянусь, что он все видел! Маршалл, я ломала голову над случившимся всю ночь, прокручивала от начала до конца и думаю... Я не знаю, право, что думать, но должно же это что-нибудь значить!

— В дополнение сценария скажи еще, что они вытащили пленку из камеры, — усмехнулся Маршалл.

Бернис проверила:

— Нет, пленка на месте. Но это ничего не значит.

Хоган вздохнул и, немного подумав, проговорил:

— Хорошо, досними пленку, посмотри, что можно использовать, а тогда увидим. Теперь можно идти?

— По-твоему, случалось мне прежде быть импульсивной, самонадеянной и делать такие глупые ошибки?

— Без сомнения!

— Ах вот как! Не можешь ли ты проявить милосердие хоть раз?

— Ладно, постараюсь на все закрыть глаза.

— Иди, тебя жена ждет.

— Знаю, знаю.

Вернувшись к Кэт, Маршалл даже не знал, что ей сказать.

— Мне очень жаль... — пробубнил он.

— Послушайте, — Кэт решила продолжить прерванный разговор, — мы говорили о машине. Бернис, мне пришлось приехать сюда на твоём автомобиле, чтобы ты могла вернуться на нём домой. Если ты будешь так добра подвезти меня...

— Конечно, конечно, — согласилась Бернис.

— Маршалл, у меня столько дел после обеда, не заберешь ли ты Санди? У нее лекция по психологии.

Маршалл не ответил ни слова, но на его лице было написано решительное «нет».

Кэт достала из сумки связку ключей и протянула ее Бернис:

— Твоя машина стоит возле нашей, на стоянке для прессы. Не подгонишь ли ты ее ко входу?

Бернис все поняла с полуслова и направилась к двери. Кэт ласково обняла мужа и некоторое время изучала его лицо.

— Пожалуйста, попробуй хотя бы раз.

— Но петушинные бои в этом штате запрещены.

— А я думаю, что вы с ней два сапога пара.

— Не знаю, с чего начать.

— Одно то, что ты за ней заедешь, будет для нее очень важно. Воспользуйся случаем.

Когда они выходили, Маршалл оглянулся и выразил то, что подсказывала ему интуиция:

— Тебе не кажется, Кэт, что с этим городом происходит нечто странное? Похоже на какую-то болезнь. Все заражены одной и той же странной болезнью.

Ярким солнечным утром вчерашние неприятности всегда кажутся не такими серьезными, как накануне. Так думал Ханк Буш, распахивая наружную дверь и ступая на небольшую бетонную площадку перед входом. Он жил в дешевом домике из двух комнат недалеко от церкви. Маленькая беленая коробка с оштукатуренными стенами и замшелой крышей, окаймленная крошечным садиком, стояла на углу улицы. Владение было небольшое, а казалось и того меньше, но оно соответствовало его пасторской зарплате. Нет, он не жаловался. Они с Мэри чувствовали себя здесь уютно и надежно, а утро было просто замечательное.

Было утро, когда можно было отоспаться, а на ступеньках крыльца ожидали два литра молока. Он поднял пакеты, предвкушая тарелку кукурузных хлопьев, плавающих в молоке, — это отвлекло его от печальных мыслей о случившемся накануне.

Ханк многое пережил в своей жизни. Сын пастора, он и в детстве испытал множество чудесных, но и нелегких ми-

нут, связанных с пробуждением в церкви, пасторской ответственностью и миссионерскими разъездами. Уже в детстве Ханк знал, что именно так он и хотел бы жить и служить Господу. Для него церковь всегда была местом увлекательной работы. Подростком он с радостью помогал отцу, потом, по окончании библейской школы и семинарии, два года проработал вторым пастором. Теперь тоже было интересно, но у него было ощущение, похожее на тревогу, которую испытали техасцы перед битвой при Аламо. Двадцатишестилетний Ханк был полон огня, но здесь, в его первой самостоятельной работе, разжечь огонь в других казалось безнадежным делом. Как будто кто-то подмочил все спички, и Ханк не понимал, как можно изменить положение. Так или иначе, его приняли на должность пастора большинством голосов. Это доказывало, что хотя бы некоторые члены церкви хотели видеть его в этой должности, но потом обнаружились те, кто сделал его служение таким... «увлекательным». По-настоящему они проявили себя, когда он проповедовал истинное покаяние, когда выступил против греха в жизни одного из членов общины, когда высоко поднял перед ними крест Христов, когда проповедовал весть о спасении. Сейчас только вера в то, что Бог хочет видеть его пастором этой церкви, удерживала его на баррикадах под всеобщим обстрелом. «Ну, хватит, — подумал Ханк, — будь доволен по крайней мере этим чудесным утром. Господь сотворил его специально для тебя».

Если бы пастор решил попасть в дом, пятясь к двери, то несомненно сохранил бы приятное расположение духа. Но он развернулся, чтобы войти, и сразу же увидел огромные, с подтеками, черные буквы, написанные распылителем прямо на стене дома. «Считай, что ты дохлый...» Последнее слово было непристойным ругательством. Ханк непроизвольно окинул взором всю стену, от одного угла до другого, осознавая надпись. Оцепенев, он с неприятным удивлением соображал, кто бы мог ее сделать, затем — для чего, и, наконец, каким образом ее ликвидировать. Потом, подойдя поближе, он пальцем потрогал буквы. Писали ночью, потому что краска успела хорошо высохнуть.

— Дорогой, — послышался из дома голос Мэри, — ты не закрыл дверь.

Ханк даже не смог сообразить, что ответить жене. Ему не хотелось, чтобы она увидела эту гнусную картину.

Он вошел, решительно закрыв за собой дверь. Сел рядом с молодой и хорошенькой Мэри, чтобы съесть горячих кукурузных хлопьев и пару ломтиков жареного хлеба с маслом. Его жизнерадостная, чудесная жена, с мелодичным смехом и длинными локонами, была, как солнечный луч на грозовом небе. Очень женственная, она тем не менее обладала твердым характером. Ханк часто жалел, что ей предстояло пройти через начатую им борьбу, ведь она без труда могла бы благополучно выйти замуж за занудливого бухгалтера или солидного страхового агента. Однако именно Мэри, всегда готовая прийти на помощь, была ему главной опорой в жизни. Она всегда верила Господу, зная, что Он подскажет наилучший выход из положения, и всегда верила в Ханка.

— Что случилось? — тотчас отозвалась она.

«А! Как ни старайся скрыть от нее что-нибудь, чтобы не огорчать, она *все равно* заметит», — подумал Ханк.

— Гм... да, — начал он.

— Все еще переживаешь за правление?

«Вот шанс перевести разговор, Буш», — решил Ханк и вслух ответил:

— Да, немного.

— Я даже не слышала, когда ты вернулся. Долго оно продолжалось?

— Нет. Альф Бруммель должен был уйти на какую-то встречу, о которой он не хотел говорить, а другие, ты знаешь... Словом, все разбрелись, оставив меня зализывать раны. Я остался, чтобы молиться. Думаю, Бог меня услышал, после этого мне стало лучше. — Его лицо немного прояснилось. — В общем, Господь меня вчера укрепил.

— Я по-прежнему считаю, что они выбрали неудачное время для собрания: в самый разгар фестиваля! — заметила Мэри.

— Да еще в воскресный вечер. — Рот Ханка был набит кукурузными хлопьями. — Я как раз приглашал выйти вперед для покаяния, когда мне подсунули записку.

— Опять о том же?

— Ах, я думаю, что они просто используют Лу как предлог, чтобы делать мне гадости.

— Ну, и что ты им сказал?

— То, что уже говорил. Мы поступили так, как сказано в Библии: сначала я разговаривал со Стэнли наедине, потом мы с Джоном вместе продолжили разговор с Лу, и только после этого я вынес этот крайне непристойный вопрос на обсуждение всей церкви. И только после этого мы его исключили.

— Да, это было общее решение. Почему же тогда правление не согласно?

— Может быть, они разучились читать? Разве в десяти заповедях не говорится о нарушении супружеской верности?

— Конечно, говорится.

Ханк отложил ложку, чтобы удобнее было жестикулировать.

— Но они так на *меня* разозлились вчера вечером! Я наслушался фраз типа: «Не суди, да не судим будешь...»

— *Кто* это сказал?

— Все та же компания: Альф Бруммель, Сэм Тэрнер, Гордон Мэйер... Ты знаешь, старая гвардия.

— Ни в коем случае не позволяй им собою командовать!

— Я не отступлю. Но не думаю, что это улучшит мое положение.

Теперь возмутилась Мэри:

— И что это Бруммель себе позволяет? Он что, не согласен с библейской истиной, в чем дело, в конце концов? Если бы не этот случай, он придрался бы к чему-нибудь другому!

— Иисус любит его, Мэри, — остановил ее Ханк. — Похоже, что он испытывает угрызения совести. Он виноват, он грешит, и он это знает. И такие, как мы, всегда раздражают таких, как он. Прежний пастор искренне проповедовал Слово, и Альфу это не нравилось. Теперь я проповедую, и это ему тоже не нравится. Он тянет на себе большой груз в общине и поэтому считает, что имеет право диктовать, что проповедовать с кафедры.

— Ну уж нет! Ничего у них не выйдет!

— По крайней мере при мне.

— Почему же он тогда не уходит?

— А вот это, дорогая жена, интересный вопрос! — Ханк патетически поднял указательный палец. — Похоже, это его хобби, призвание, так сказать, — доводить пасторов.

— Они упрямо пытаются навязать другим свое мнение. Ты вовсе не такой, как они тебя расписывают!

— Хм... Расписывают? Ну, ладно, ты готова?

— К чему готова?

Ханк набрал полную грудь воздуха, с шумом выпустил его, посмотрел на жену и медленно произнес:

— У нас были ночные гости. Они... написали пакость на стене.

— Что? На *нашем* доме?!

— Ну, скажем, на доме, в котором мы живем.

Мэри вскочила. «Где?» Она выбежала за дверь, и ее мягкие туфли зашлепали по бетонным плитам.

— О Боже!

Ханк вышел следом за ней, и они оба молча рассматривали надпись. Она по-прежнему красовалась на стене.

— Ну, теперь и меня довели! — произнесла Мэри и заплакала. — Что мы им такого сделали?

— Я думаю, это как раз то, о чем мы сейчас говорили, — заметил Ханк.

Мэри не обратила внимания на его слова, она объяснила это по-другому:

— Это все фестиваль. Такие мероприятия всегда пробуждают в людях низменные инстинкты.

У Ханка было свое мнение, но он промолчал. «Должно быть, кто-то из нашей церкви», — решил он про себя. За короткое время ему пришлось выслушать массу «лестных» эпитетов в свой адрес: ханжа, фанатик, любитель ставить подножки, мямля. Его обвиняли даже в гомосексуализме и избиении жены. Это ругательство мог написать один из разъяренных членов церкви, один из друзей Лу Стэнли, может быть, и сам Лу. Этого он, наверное, никогда не узнает, но это не важно — Бог знает.

Глава 3

По скоростному шоссе двадцать семь мчался огромный черный лимузин. На плюшевых подушках заднего сиденья развалился разжиревший мужчина средних лет. Он обсуждал дела с сидевшей рядом с ним секретаршей, длинноногой изящной женщиной с роскошными угольно-черными волосами и бледным, голубоватым лицом. Толстяк говорил внятно и отрывисто, диктуя ей план какой-то крупной сделки. Вдруг он замолк, что-то вспомнив.

— Между прочим, — произнес он, и секретарша оторвала взгляд от своего блокнота. — Профессор утверждает, что не так давно послала мне пакет. Но я что-то не помню, чтобы его получал.

— Что за пакет?

— Небольшая книжка, лично для меня. Возьми на заметку и поищи, когда приедем на ранчо.

Секретарша достала из портфеля блокнот и, похоже было, сделала пометку. На самом деле страница блокнота осталась чистой.

За сегодняшний день это было второе посещение Маршаллом здания суда. Первый раз он приезжал вызволять Бернис из камеры. Теперь же он должен был встретиться именно с тем человеком, которого Бернис хотела прижать к стене, — с шефом полиции Альфом Бруммеlem. Отправив номер в печать, Маршалл собирался позвонить ему, но Сара, секретарша Бруммеля, опередила его, сообщив, что встреча назначена на 14.00. «Прекрасно, — подумал Хоган, — Бруммель просит перемирия, не дожидаясь, пока войска пойдут в атаку».

Он поставил «бьюик» на стоянку, зарезервированную для него перед новым комплексом городского суда, и некоторое время оставался в машине, разглядывая улицу и ужасаясь последствиям праздничного смерча, пронесшегося по городу накануне. Майн-стрит пыталась выглядеть все той же прежней спокойной, уважаемой улицей, но наметанный глаз журналиста сразу же подметил усталость и апатию направляющихся по своим обычным делам горожан. Они то и дело останав-

ливались, озирались, укоризненно качали головами. В течение многих поколений Аштон гордился уютом и добропорядочностью, стараясь быть хорошим местом для подрастающего поколения. Но сейчас ощущался внутренний переворот: беспокойство и страх, как раковая опухоль, втихомолку разъедали здоровую атмосферу города. Разбитые витрины были наспех заклеены прозрачным пластиком, многие счетчики-автоматы на автостоянках сломаны, повсюду валялись мусор и осколки разбитого стекла. И несмотря на то, что хозяева магазинов и владельцы контор постарались замести следы бесчинств, вид разрушений наводил на мысль о том, что город в беде. Хулиганства и бесчинства становились обычным делом, особенно среди молодежи. Соседи перестали доверять друг другу. Никогда еще Аштон не был так наполнен скандальными слухами и злыми сплетнями. Из-за страха и подозрительности жизнь в городе утратила спокойствие и простоту, и никто не мог сказать, почему и каким образом это произошло.

Маршалл направился к административному комплексу. Он состоял из двух невысоких зданий, между которыми находилась автостоянка, красиво обрамленная ивами и кустарниками. В первом краснокирпичном корпусе располагался суд, приютивший сбоку городскую полицию, где в подвале находились камеры предварительного заключения. Одна из трех полицейских машин стояла у входа. По другую сторону стоянки в здании с застекленным фасадом помещался городской совет, кабинеты мэра и другого начальства. Маршалл направился к зданию суда.

Он прошел через простую безликую дверь с надписью «Полиция» и оказался в маленькой пустой приемной. Из-за дверей до него доносились приглушенные голоса, но Сары, секретарши Бруммея, похоже, не было на месте.

Неожиданно за невысокой перегородкой приемной закачался огромный размеров канцелярский шкаф, и оттуда послышались пыхтенье и стоны. Маршалл перегнулся через перегородку, и перед ним предстала невероятная картина: Сара стояла на коленях и мужественно, не жалея чулок и одежды, сражалась с заклинившим ящиком. Результат неравной борьбы между тяжелым ящиком и тонкими ногами Сары был 3:0 в пользу ящика. Но Сара не умела проигрывать с достоинством, как,

впрочем, и ее чулки. Она выругалась, прежде чем заметила присутствие Хогана, после чего было поздно принимать обычную официально-приветливую мину.

— О! Привет, Маршалл...

— В следующий раз воспользуйся солдатскими бутсами, ими легче пинать ящики.

По крайней мере они были хорошо знакомы, и это успокаивало Сару. Маршалл появлялся в полиции довольно часто и был на короткой ноге с большей частью персонала.

— Вот, пожалуйста, — сказала она, подражая тону экскурсовода, — перед вами отвратительный шкаф из кабинета Альфа Бруммея, шерифа. Сам он только что приобрел элегантный новый, так что этот урод по наследству достался мне! Почему он должен стоять именно здесь, ума не приложу. Но согласно прямым указаниям шефа мне придется с этим смириться.

— Он слишком безобразен для *его* кабинета.

— Да еще эта защитная краска, представляешь! Может быть, если его перекрасить, он будет выглядеть более сносно? Если уж ему суждено тут стоять, пусть по крайней мере станет более приветливым.

В эту минуту зазвонил внутренний телефон. Сара нажала кнопку и ответила:

— Да, сэр!

Голос Бруммея звучал слегка осуждающе:

— Алло! В моем кабинете всю мигает сигнал тревоги.

— Прошу прощения, это моя вина. Я пыталась задвинуть на место один из ваших архивных ящиков.

— Ах, вот как? Постарайся переставить шкаф.

— Маршалл Хоган ожидает встречи.

— Пригласи его сюда.

Сара покачала головой, посмотрела на журналиста, ища у него поддержки.

— Может, у тебя найдется место секретаря? — спросила она. Маршалл улыбнулся. Сара объяснила:

— Он поставил этот шкаф как раз рядом с потайной сигнальной кнопкой. Каждый раз, когда я открываю ящик, полиция оцепляет весь дом.

Махнув ей сочувственно рукой, Маршалл направился к ближайшей двери и вошел в кабинет Бруммея. Шериф, подняв-

шись ему навстречу, протянул руку для приветствия, лицо его расплылось в широкой белозубой улыбке:

— Добро пожаловать!

— Привет, Альф.

Они пожали друг другу руки, и Бруммель, введя Маршала в кабинет, закрыл за ним дверь. Бруммель, холостяк неопределенного возраста — между тридцатью и сорока, — прежде был скорым на расправу полицейским большого города, а сейчас, в Аштоне, вел шикарную жизнь, вряд ли соответствующую его зарплате. С самого начала их знакомства он старался выглядеть своим парнем, но Маршалл никогда полностью не доверял ему. А если точнее, так он его просто недолюбливал. Слишком уж скалит зубы без всякого повода.

— Садись, располагайся поудобней, — пригласил Бруммель, начав разговор, прежде чем они опустили в кресла. — Похоже, в этот уик-энд произошла забавная ошибка.

В памяти Маршалла возникла картина камеры, в которой его репортерша провела ночь с проститутками.

— Бернис было не до шуток, а я лишился двадцати пяти долларов.

— Так именно поэтому мы и встретились, чтобы все уладить, — примирительно произнес Бруммель, открывая верхний ящик стола. — Пожалуйста. — Он выписал чек и протянул его Маршаллу. — Получи свои деньги, и я обещаю, что мы пошлем Бернис письмо с официальным извинением, подписанное лично мной от имени всей полиции. Но не можешь ли ты рассказать, что, собственно, произошло? Если бы я там был, то непременно бы вмешался.

— Бернис говорит, что ты там *был*.

— Я? Где? Мне пришлось бегать целый вечер в участок и обратно, но...

— Нет, она видела тебя в луна-парке.

Бруммель осклабился еще больше:

— Не знаю, кого она там видела, но я вчера вечером на фестивале не был. У меня и здесь дел хватало.

Однако Маршалл уже набрал скорость и не собирался отступать.

— Она видела тебя именно в тот момент, когда ее арестовывали.

Бруммель притворился, что не слышит.

— Так Расскажи-ка мне толком, что же произошло. Я хочу докопаться до истины.

Маршалл умирал напор, сам не зная почему. Может быть, из вежливости, а может, он чего-то испугался? Как бы там ни было, он начал свой рассказ, подбирая слова, излагая суть в четкой телеграфной форме, примерно так, как слышал от Бернис, но опуская некоторые детали, которыми она с ним поделилась. Рассказывая, он изучал лицо Бруммеля и внимательно разглядывал его кабинет, фиксируя каждую мелочь обстановки, в том числе и настольный календарь с записями на каждый день. Это происходило автоматически. За время работы в «Нью-Йорк Таймс» он выработал привычку наблюдать и схватывать информацию так, чтобы это было незаметно со стороны. Может быть, он присматривался, потому что не доверял этому человеку? Но если бы и доверял, он все равно всегда и во всем оставался репортером. По обстановке кабинета можно было заключить, что Бруммель — педант. Об этом говорило все, начиная от полированной поверхности стола и кончая стаканчиком с идеально отточенными карандашами.

У стены, там где раньше стоял безобразный массивный мастодонт, красовалась впечатляющая композиция из полок и шкафов мореного дуба с застекленными дверцами и литыми медными ручками.

— Вот как! Ты поднялся в цене, Альф! — иронически произнес Маршалл, кивая в сторону шкафа.

— Нравится?

— Очень. Для чего он тебе?

— Прекрасная замена старому. Я приобрел его, желая показать, что можно сделать, если экономить каждую копейку и не сорить деньгами. Старый меня раздражал. Я считаю, что кабинет должен быть представительным.

— Конечно, конечно. Ух ты, у тебя свой ксерокс...

— Да, и книжные полки с запасом на будущее.

— И запасной телефон?

— Телефон?

— Да, что это там за шнур выходит из стены?

— Это? Это для кофеварки. Ну так о чем мы говорили?

— О том, что произошло с Бернис... — ответил Маршалл. Он прекрасно умел читать и вверх ногами, и задом наперед и, продолжая рассказ, не сводил глаз с календаря, лежащего на столе. Все места для записей на вторники были пусты, хотя это был рабочий день Бруммеля. Только в один из них была намечена встреча с пастором Янгом, в 14.00.

— Передай привет моему пастору, — спокойно произнес Маршалл как бы невзначай. Судя по удивленному и в то же время раздраженному взгляду Бруммеля, он сразу понял, что перешел дозволенные границы.

С трудом заставив себя улыбнуться, Альф ответил:

— Ах да, ведь Оливер Янг твой пастор?

— Да, а ты с ним тоже хорошо знаком?

— Нет, не совсем. Мне приходилось с ним встречаться лишь по службе...

— Но ведь ты ходишь в другую церковь, в ту, маленькую?

— «Аштон Комьюнити». Впрочем, продолжай, расскажи до конца.

Маршалл заметил, насколько легко можно привести его в замешательство, но ему не хотелось заходить слишком далеко в своих экспериментах. По крайней мере не сейчас. Журналист подхватил нить рассказа и, влетая в него мимоходом возмущение Бернис, виртуозно довел повествование до конца. Он обратил внимание на то, что Бруммель разыскал в столе несколько бумаг, которые ему вдруг понадобились, и прикрыл ими календарь.

— Кто был тот индюк, который не удосужился посмотреть удостоверение Бернис? — спросил Маршалл.

— Чужак, он не из нашего участка. Если Бернис назовет его имя или номер полицейской бляхи, я заставлю его ответить за такое поведение. Видишь ли, нам пришлось вызвать подкрепление из Виндзора на время фестиваля. Наши-то прекрасно знают, кто такая Бернис Крюгер, — с неприязнью добавил шериф.

— Но почему бы ей самой не выслушать от тебя все эти оправдания?

Бруммель подался вперед, и лицо его стало очень серьезным:

— Я считаю, что лучше поговорить с тобой, Маршалл, чем заставлять ее еще раз являться в полицию. Полагаю, что ты знаешь, какое горе она перенесла не так давно?

«Ладно, — решил про себя Маршалл, — не знаю, но спрошу тебя».

— Я в городе новый человек, Альф.

— Разве она тебе не рассказывала?

— Но уж ты-то с удовольствием расскажешь? — Эти слова вырвались у Маршалла непроизвольно, но он попал в цель.

Бруммель откинулся в кресле, внимательно изучая лицо Маршалла. Хоган же подумал, что совсем не жалеет о сказанном.

«Я уже вне себя, если ты этого еще сам не заметил», — красноречиво говорил его взгляд.

Бруммель продолжал:

— Маршалл, я хотел встретиться с тобой лично, потому что хотел... исправить положение.

«Так, послушаем, что ты расскажешь о Бернис. Теперь будь начеку и получше выбирай слова, Бруммель», — подумал Маршалл.

— Да... — Бруммель запнулся. — Я думаю, что тебе лучше знать обо всем. Эта информация поможет тебе, когда ты будешь иметь с ней дело. Видишь ли, Бернис Крюгер приехала в Аштон за несколько месяцев до того, как ты купил газету. Она появилась здесь после того, как ее сестра покончила жизнь самоубийством. Сестра училась в университете. Бернис приехала в Аштон, горя желанием отомстить, открыв тайну смерти сестры, но... это загадка, на которую, похоже, никогда не найти ответа.

Несколько минут прошло в молчании, потом Маршалл произнес:

— Я этого не знал.

Голос Бруммеля звучал тихо и печально:

— Она была уверена, что дело нечисто, и вела свое расследование весьма напористо.

— У нее репортерский нюх.

— Да, это так. Но, видишь ли, Маршалл... ее арест был унижительной ошибкой. Правду сказать, не думаю, что у нее есть желание снова оказаться в этом заведении. Теперь ты понял?

Маршалл был не совсем уверен, что до конца понял шерифа. Зато он был уверен, что Бруммель чего-то не договарива-

ет. Внезапно журналист почувствовал слабость и был крайне удивлен, куда вдруг подевалась вся его злость. Ведь он знал, что нельзя доверять этой шельме Альфу... или можно? Бруммель лжет, отрицая, что был у палатки... или не лжет? Или я его просто не понял? Или... о чем это мы? Ты что, Хоган, не выспался сегодня?

— Маршалл?

Журналист смотрел в пристальные серые глаза Бруммеля и чувствовал странную отрешенность, какая бывает во сне.

— Маршалл, — произнес Бруммель, — надеюсь, ты понимаешь. Теперь ты все понял, да?

Маршалл сделал над собой усилие, чтобы снова начать думать, и заметил, что ему легче сосредоточиться, если не глядеть Бруммелю в глаза.

— Эээ... — Это звучало глупо, но на большее он сейчас был не способен. — Да, конечно, Альф. Я догадываюсь, что ты имеешь в виду. Ты правильно сделал.

— Но я хочу все исправить до конца, и прежде всего отношения между нами.

— О, не беспокойся, это не так важно. — Сказав это, Маршалл спросил себя, так ли это на самом деле.

Бруммель осклабился, и его крупные зубы снова выдались вперед:

— Рад это слышать, Маршалл.

— Но ты мог бы ей позвонить, по крайней мере. Бернис чувствует себя глубоко оскорбленной.

— Я позвоню, Маршалл. — Бруммель подался вперед, вцепившись руками в крышку стола и странно улыбаясь. Серые глаза пристально смотрели на журналиста, завораживающе, будто обволакивая сознание. — Маршалл, давай в заключение поговорим о тебе и об этом городе. Мы все очень рады, что ты взял «Кларион» в свои руки. Мы предполагали, что свежая струя в журналистике положительно повлияет на общество. Я могу тебе честно сказать, что прежний главный редактор был... в общем, он портил настроение всему городу... особенно в конце.

Маршалл подумал, что целиком и полностью согласен с ше-рифом, но промолчал, чувствуя, что сейчас последует продолжение.

— Нам нужен такой человек, как ты, Маршалл, — снова заговорил Бруммель. — Пресса может воздействовать на общество, это всем известно. Поэтому нам необходимо иметь верного человека, который способен использовать эту власть должным образом, для всеобщего блага. Мы все, кто занят на общественной службе, должны служить интересам города и всего человечества. Ты именно такой человек. Ты необходим людям так же, как и мы. — Бруммель нервно провел рукой по волосам. — Понимаешь, о чем я говорю?

— Нет.

— Ну... — Шеф полиции подыскивал слова. — Ты правильно заметил, что ты в нашем городе человек новый. Могу я быть с тобой откровенным?

«Почему бы и нет?» — подумал Маршалл и пожал плечами, побуждая Бруммеля продолжать.

— Прежде всего, наш городок маленький, а значит, любые недоразумения, даже между несколькими людьми, выплывают наружу и беспокоят всех жителей. Тут трудно остаться в тени, незамеченным в нашем городе быть невозможно, да у нас и нет таких. Прежний главный редактор не хотел этого понять и стал причиной событий, взбудораживших все общество. Он обладал патологической склонностью брюзжать и на все жаловаться. Он подорвал доверие людей к членам городского правления, всех горожан друг к другу и в конце концов к себе самому. Это очень печально. Он нанес нам глубокую рану, и понадобилось немало времени, чтобы ее залечить. К твоему сведению, ему пришлось с позором покинуть город: он изнасиловал двенадцатилетнюю девочку. Я старался вести расследование как можно тише, но в маленьком городке ничего не скроешь. Мной руководило желание никому не причинять боли и уберечь девочку, ее семью и весь город от скандала. Я не завел официального дела, потребовав, чтобы он немедленно покинул город и никогда здесь не появлялся. Он согласился. Но я никогда не забуду, каким ударом это было для города, и сомневаюсь, что и другие это забудут. Теперь ты понимаешь, насколько все мы связаны. Я сожалею о неразберихе с Бернис, искренне желаю сохранить добрые отношения между полицейской властью и «Кларион», а также лично меж-

ду нами. Я бы хотел избежать любого повода их испортить. Нам необходимо единство, товарищеские отношения, здоровый дух в обществе... — Он сделал выразительную паузу. — Маршалл, мы хотим знать, собираешься ли ты сотрудничать с нами в достижении этой цели.

Затем последовало долгое молчание, сопровождаемое столь же долгим пристальным взглядом. Маршалл явно должен был что-то ответить. Он поерзал в кресле, собираясь с мыслями, прислушиваясь к своим чувствам и стараясь избегать пронзительного взгляда серых глаз. Может, этому парню и стоило верить, а может, его пространная речь была всего лишь хитрым дипломатическим трюком, направленным на то, чтобы сбить его со следа, на который напала Бернис.

Однако Маршалл не мог не только ясно думать, но и как следует *разобраться в своих чувствах*. Репортера его газеты по ошибке арестовали, бросили на целую ночь в грязную камеру, а он из-за этого как будто больше и не волнуется. Широкая улыбка шефа полиции превратила Бернис в обманщицу, и Маршалл позволил убедить себя в этом. «*Эй, Хоган! Ты что, забыл, зачем ты здесь?*»

Он страшно устал и теперь старался вспомнить, а для чего он, собственно, перебрался в Аштон? Он рассчитывал, что это поможет ему изменить семейную жизнь. Пришла пора распрощаться с ежедневной газетной борьбой и пустыми газетными статьями о хитросплетенных интригах большого города и заняться более простым и понятным: писать о конкурсах школьных газет и застрявших на деревьях кошках. Может быть, сказывалась власть привычки, оставшейся после долгих лет работы в «Таймс» и заставляющей его набрасываться на Бруммеля, подобно инквизитору. Ради чего? Чтобы нажить новые неприятности и ввязаться в очередное сражение? Не пора ли для разнообразия пожить тихо и спокойно?

Внезапно и вопреки развитой интуиции он заключил, что для беспокойства вовсе нет причин. Бернис проявит фотопленку, и тогда выяснится, что Бруммель говорит правду, а Бернис ошибается. И Маршаллу действительно в эту минуту хотелось, чтобы дело закончилось именно так, как он только что подумал.

Однако Бруммель по-прежнему ждал ответа, не спуская с него гипнотического, пронзительного взгляда.

— Я... — начал Маршалл, и теперь он чувствовал себя униженным и глупым, — я действительно устал бороться, Альф. Может быть, меня так воспитали и поэтому ценили в «Таймс», но я решил перебраться сюда, а это что-нибудь да значит. Я устал, Альф, и не становлюсь моложе. Мне необходимо подлечиться. Хочу научиться быть обыкновенным человеком и просто жить.

— Да, — подхватил Бруммель, — именно это тебе и нужно.

— Так что... не волнуйся. Я хочу жить тихо и спокойно, как все люди. Я не собираюсь больше сражаться и не хочу неприятностей. С моей стороны тебе нечего опасаться.

Бруммель был восхищен и протянул ему руку. Пожимая ее, Маршалл чувствовал себя так скверно, как будто продал душу. Да неужели Маршалл Хоган говорил все это? «Я, *должно быть*», — подумал он.

Не успев опомниться, он очутился за дверью. Аудиенция была окончена!

Когда Хоган вышел и дверь за ним была тщательно закрыта, Альф Бруммель со вздохом облегчения откинулся на спинку кресла и сидел некоторое время, глядя в пространство, собираясь с силами для выполнения следующего, не менее трудного дела. Разговор с Маршаллом был, по его мнению, только репетицией, а теперь его ожидало настоящее испытание. Он потянулся к телефону, придвинул его поближе к себе, с минуту смотрел на него не двигаясь и затем набрал номер.

Ханк как раз заканчивал красить фасад дома, когда зазвонил телефон и раздался голос Мэри:

— Ханк! Это Альф Бруммель!

«Ох-ох-ох! — подумал Ханк. — У меня все руки в краске. Ему бы здесь сейчас поработать».

Идя к телефону, он признался Господу, что согрешил.

— Здравствуй, — произнес он в трубку.

В своем кабинете Бруммель повернулся спиной к двери, как бы отгораживаясь от невидимых зрителей, хотя, кроме него, в помещении никого не было, и заговорил приглушенным голосом:

— Здравствуй, Ханк. Это Альф. Я решил позвонить, чтобы узнать, как ты там, после... вчерашнего вечера.

— А! — только и смог произнести Ханк, чувствуя себя, как мышь в зубах у кошки. — Все в порядке, сейчас намного лучше.

— Ты все обдумал?

— Да, конечно. Я долго размышлял, молился и проверил по Слову целый ряд вопросов...

— Хм. Похоже, ты остался при своем.

— Да, это так. Вот если Слово изменит себе, тогда и я изменюсь, но, насколько я понимаю, Бог не думает отступить от того, что Он сказал. Так что у меня, видишь ли, нет никакого выбора.

— Ханк, ты знаешь, что в пятницу будет собрание общины?

— Знаю.

— Я действительно хочу тебе помочь, Ханк. Я не могу спокойно смотреть, как ты сам себе вредишь. Тебя хорошо приняли в церкви, но... как бы это сказать? Расхождения во взглядах, препирательства, склоки... это может разрушить общину.

— Кто же препирается?

— Ну вот, ты опять...

— И, в конце концов, кто созвал это собрание? Сэм, Гордон и ты. Не сомневаюсь, что Лу по-прежнему действует с вами заодно, так же, как и те, кто размалевал мой дом.

— Мы просто обеспокоены. Ты все противишься тому, что было бы лучше для всей общины.

— Это смешно. А я-то думал, что сражаюсь против *тебя*. Но ты слышал, что я сказал? Кто-то расписал фасад моего дома.

— Что? Что там было написано?

Ханк медленно произнес всю фразу.

Бруммель застонал:

— Но, Ханк, это безумие!

— Мэри тоже так считает. Представь себя на нашем месте.

— Если бы я был на твоём месте, я бы призадумался. Ты понимаешь, что происходит? Поговаривают, что ты восстановил против себя весь город. Это значит, что скоро все отвернутся от нашей церкви, а нам тут жить. Ханк! Мы должны помогать людям, проявлять к ним милосердие, а не вбивать клин между нами и обществом.

— Я проповедую Евангелие Иисуса Христа, и многим это нравится. И о каком это клине ты говоришь?

Бруммель начал терять терпение.

— Ханк, поучись на примере прежнего пастора. Он совершил ту же ошибку. Посмотри, что с ним произошло.

— Я это учел. Я понял: единственное, что мне нужно сделать, — это отступить, сидеть тихо и похоронить истину поглубже, чтобы никому не причинять боли. Тогда все будет хорошо. Все будут мной довольны, и мы снова станем дружной, счастливой семьей. Вот уж правда, Иисус поступал опрометчиво. Он сохранил бы многих друзей, если бы отступил, сдался и начал играть в политику.

— Хочешь стать мучеником?

— Я хочу спасти души, обращать грешников, я хочу помогать рожденным свыше верующим возражать в истине. Если бы я этого не делал, то у меня нашлось бы кого бояться куда больше, чем тебя и остальных членов правления.

— Это не назовешь любовью, Ханк.

— А я люблю вас всех, Альф. Поэтому мой долг — дать вам лекарство, и особенно в нем нуждается Лу.

Бруммель пустил в ход свое главное оружие:

— Ханк, думал ли ты, что он может подать на тебя в суд?

На другом конце провода было тихо.

— Нет, — ответил наконец Ханк.

— Он может привлечь тебя к ответственности за клевету, нанесение морального ущерба и не знаю, за что еще.

Ханк глубоко вздохнул, моля Господа о терпении и мудрости.

— Видишь ли, в чем дело, — ответил он. — Многие люди не знают или не хотят больше знать, что такое истина. Мы не можем постоять за нее и во всем отступаем. Поэтому такие люди, как Лу, блуждают в тумане, разрушают собственные семьи, распускают сплетни, пачкают свое имя, делают себя несчастными, совершая грех... и потом ищут кого-нибудь, на кого можно переложить всю ответственность! Кто же кому вредит в таком случае?

Терпение Бруммеля иссякло.

— Мы поговорим об этом в пятницу. Ты, конечно, придешь?

— Да, я приду. Сначала я только встречусь с одним человеком, он хочет посоветоваться о своей жизни, и после этого я приду на собрание. Ты когда-нибудь давал подобные советы?

— Нет.

— От человека требуется уважение к истине, когда он старается помочь другим изменить жизнь, построенную на лжи. Подумай об этом.

— Ханк, я думаю о благе других людей.

Бруммель с треском бросил трубку и отер пот с ладоней.

Глава 4

Если бы кто-нибудь смог его увидеть, то, скорее всего, пришел бы в ужас не от вида шершавого бородавчатого тела этой отвратительной рептилии, а от того, как она полностью, без остатка, будто черная дыра, поглощает свет. Жуткое создание скорее напоминало тень, причудливо перемещающуюся в пространстве. Но все дело в том, что этого маленького беса невозможно было увидеть человеческим глазом: невидимый и нематериальный, кружил он над городом, кувыркаясь то в одну, то в другую сторону, влекомый вперед не ветром, а усилием воли. Крылья этого чудовища, которые казались от быстрого движения плотной серой массой, трепеща и шурша несли его, как пропеллер.

Существо походило на страшную маленькую химеру, как и подобает демону. Кожа его была слизистой, непроницаемо черной, тело тощим, паукообразным, получеловеческим, полуживотным. Два огромных выпученных желтых кошачьих глаза выступали вперед. Они щурились и вращались, постоянно что-то высматривая. Дышал демон прерывисто, выпуская при этом вонючие, светящиеся серные клубы пара.

Демон неотступно следовал за своим подопечным: водителем коричневого «бьюика», пробирающегося по улицам Аштона в дальний конец города.

Маршалл покинул «Кларион» немного раньше обычного. После утреннего переполоха было даже странно, что номер все же был сдан в печать, и теперь персонал был занят подготовкой следующего. Газета маленького городка выйдет вовремя... и сегодня, *может быть*, ему представится возможность хоть немного познакомиться со своей дочерью.

Санди, рыжеволосая красавица, была единственным ребенком в семье. У нее были хорошие задатки, но, увы, большую часть детства ей пришлось провести с вечно занятой матерью и отцом, которого в нужную минуту никогда не было дома. Когда они жили в Нью-Йорке, удача сопутствовала Маршаллу почти во всем, единственное, что ему не удавалось, — быть для Санди настоящим отцом, в котором она так нуждалась. Она всегда напоминала ему об этом, но, как правильно заметила

Кэт, они были слишком похожи друг на друга. Дочь постоянно требовала любви и внимания, и Маршалл действительно уделял ей внимание, но такое, какое уделяет собака кошке.

«Никаких стычек, — уговаривал себя Маршалл. — Ничего, что могло бы уколоть или ранить ее. Пусть говорит, нужно дать девочке выговориться, высказать свои чувства и не быть к ней строгим. Любить ее такой, какая она есть, дать ей возможность быть самой собою, не отталкивать ее».

Уму непостижимо, но его любовь к ней всегда выражалась в раздражении, гневе и колких словах. Единственным желанием отца было достичь контакта с дочерью, завоевать ее расположение, но до сих пор это ему не удавалось.

Ну, Хоган, попробуйся, попробуйся еще и уж постарайся хоть на сей раз ничего не испортить.

Свернув налево, он увидел прямо перед собой университет. Вайтмор-колледж выглядел, как большинство американских университетских городков, — красивый, с солидными зданиями, которые с первого взгляда убеждали вас в учености тех, кто их населял. Широкие, аккуратно подстриженные газоны пересекались мощными камнем дорожками. Громадные валуны, кусты и статуи украшали зелень газонов. Все было так, как и подобает хорошему колледжу, включая автостоянку. Маршалл поставил машину и отправился искать Стюарт-Холл, в котором размещался психологический факультет. Там сегодня проходила последняя лекция Санди.

Вайтмор был частным колледжем, основанным в начале двадцатых годов каким-то богачом, пожелавшим оставить о себе память. Судя по старым фотографиям, некоторые из краснокирпичных зданий с белыми колоннами фасадов оставались здесь с самого основания университета. Они были памятником прошлому, стоящему на страже будущего.

Летом здесь было относительно тихо и спокойно.

Какой-то студент младших курсов, кидавший «летающую тарелку», указал Маршаллу дорогу, и он свернул налево. В дальнем конце тополевой аллеи он нашел Стюарт-Холл, внушительное здание, по архитектуре напоминающее европейские соборы: с башенками и аркадами. Пройдя через большую двойную деревянную дверь, Маршалл оказался в просторном вестибюле. Звук захлопнувшейся за ним двери, отразившись от

сводчатого потолка и гладких стен, отозвался громовым гулким эхом, и Маршалл подумал, что наверняка его услышали во всех аудиториях.

Он стоял в раздумье. В трехэтажном здании было более тридцати лекционных залов, и Маршалл не представлял, где ему искать Санди. Он двинулся по длинному коридору, стараясь не стучать каблуками. Похоже, тут нельзя было даже икнуть.

Санди училась на первом курсе. Они переехали в Аштон, опоздав к началу учебного года, и теперь девушка занималась дополнительно, наверстывая упущенное. Но главное это был подходящий момент для того, чтобы войти в новую жизнь. Она еще не определила для себя основной предмет: присматривалась, проходя подготовительный курс. Какое место во всем этом занимала психология самопознания, Маршалл понятия не имел, но они с Кэт решили не давить на Санди.

Откуда-то извне в гротоподобный коридор доносились отзвуки лекции, громкие, но неразличимые слова, произносимые женским голосом. Маршалл решил идти на этот голос. Миновав несколько дверей с черными номерными табличками, фонтанчик для питья и тяжелую каменную лестницу с чугунными перилами, ведущую наверх, он остановился у двери с номером сто один. Теперь слова доносились до него более отчетливо.

«...Итак, если вы принимаете простую онтологическую формулу: я думаю, значит я существую, это будет ответом на наш вопрос. Но быть — не предполагает иметь *смысл*...»

«Ах, вот что! Да тут больше пахнет заумью, которая доставляет удовольствие слушателю и с помощью которой можно блеснуть академическими познаниями, но больше этот вздор ни на что не годится, — язвил про себя Маршалл. — Психология. Если бы все эти „промыватели мозгов“ могли для разнообразия до чего-нибудь договориться, от этого была бы польза. Прежде Санди оправдывала свою сопливую позицию ужасом, пережитым во время рождения. Ну, а что было потом? Плохо ее учили сидеть на горшке? Ее новое занятие — самопознание, вернее, самопоклонение, ее собственная персона. Она и так всегда была слишком занята собой, теперь ее учат этому в университете».

Он заглянул в чуть приоткрытую дверь и увидел просторный амфитеатр — ряды скамеек круто поднимались вверх —

и на небольшой кафедре, на фоне черной доски, — женщину, профессора, читающую лекцию.

«...Смысл вовсе не обязательно берет начало в мышлении, как некоторые утверждают. Я вовсе не то же самое, что разум. И разум фактически подавляет существование Я, тормозит самопознание...»

Вот это да! Почему-то Маршалл ожидал увидеть пожилую тощую даму с пучком на затылке, в роговых очках и с блестящей цепочкой вокруг шеи. Но, к его глубокому удивлению, профессор скорее подходила для рекламы губной помады или журнала мод: светлые длинные волосы, стройная фигура, выразительные темные глаза. Она слегка щурилась, но явно не нуждалась в очках ни в роговой, ни в какой другой оправе.

Затем Маршалл заметил в передних рядах сияние копны темно-рыжих волос. Он узнал Санди, внимательно слушающую и что-то тщательно записывающую. Удача! Найти ее оказалось нетрудно. Он решил проскользнуть в зал и дослушать лекцию до конца. Это поможет ему понять, что изучает Санди, и найти тему для разговора с дочерью. Стараясь не шуметь, Маршалл примостился на свободное место в последних рядах.

Вот тут все и началось. Словно некий радар в голове профессора неожиданно уловил его присутствие. Она повернулась в сторону Маршалла и окинула его внимательным взглядом. Он вовсе не собирался привлекать к себе внимание, но теперь вся аудитория разом повернулась к нему. Маршалл оцепенел. Женщина пристально смотрела на него, казалось, она изучала его лицо, как будто оно ей было знакомо, словно она пыталась вспомнить кого-то. Выражение, появившееся на ее лице, заставило Маршалла вздрогнуть. Ее взгляд пронзил его, как удар ножа. Выражение глаз профессора было, как у разъяренной тигрицы. От непонятного, неясного страха у него перехватило дыхание.

— Что вам угодно? — спросила лектор, и единственное, что видел Маршалл перед собой в эту минуту, были ее пронзительные, полные злобы глаза.

— Я жду свою дочь, — ответил он вежливо.

— Не могли бы вы подождать за дверью? — произнесла она тоном, не допускающим возражений.

Маршалл снова очутился в коридоре. Он прислонился к стене и стоял, уставившись в пол. Мысли путались в голове, сердце бешено колотилось. Он был сбит с толку и никак не мог понять, каким образом оказался в коридоре. Однако он стоял тут. Как же это произошло? Ну-ка, Хоган, перестань трястись и начни думать!

Маршалл попытался прокрутить внутри себя все с начала, но ему это удавалось с трудом, требовалась большая сила воли, как будто он вспоминал тяжелый сон. Глаза этой женщины! По тому, как она на него смотрела, было понятно, что она знает, кто он такой, хотя они никогда не встречались. И никогда раньше, ни в чьем взгляде он не видел и не чувствовал такой ненависти. К тому же взор этой женщины внушал страх, который все возрастал и доводил до полного изнеможения, до сердцебиения. Это был сковывающий страх, не имеющий никаких объяснимых причин. Маршалл был напуган до полусмерти... абсолютно ничем! Это было глупо. Он был не из трусливых, ни перед чем не отступал всю свою жизнь. Но сейчас впервые он испытал...

Впервые? Лицо Альфа Бруммеля со сверлящими серыми глазами вспыхнуло в памяти, и Маршаллом снова овладела слабость. Он стряхнул неприятное воспоминание и сделал глубокий вдох. Куда подевалась былая хогановская сила воли? Она, что, осталась в кабинете Бруммеля?

Маршалл не смог найти ни ответа, ни толком объяснить происходящее, в нем только росло чувство презрения к себе. «Опять я поддался, как гнилое дерево», — думал он и, как гнилое дерево, прислонился к стене и стоял так, чего-то выжидая.

Через несколько минут двери зала распахнулись, и студенты стали вылетать в коридор, как пчелы из улья. Они не замечали Маршалла, как будто он был невидимкой, но ему было абсолютно все равно. Затем вышла Санди. Маршалл встрепенулся и двинулся к ней со словами приветствия, но она просто прошла мимо! Не повернув головы, не остановившись, не улыбкував, не ответив ему ничего! Проводив ее взглядом по коридору до выхода, Маршалл почувствовал всю глупость своего положения.

Он пошел вслед за дочерью. Хотя он шел ровным шагом, ему казалось, что он все время спотыкается. Он шагал нормально, отнюдь не волоча ноги, но у него было ощущение, что они нали-

лись свинцом. Он видел, как его дочь, так ни разу и не обернувшись, вышла из здания. Грохот захлопнувшейся за ней двери отозвался в бесконечно длинном коридоре тяжелым осуждающим эхом, как бы навеки разъединяя его с той, кого он так любил. Маршалл остался один в широком коридоре, онемевший, беспомощный, и его крепкая внушительная фигура казалась совсем маленькой.

Струйки удушливого зловонного пара, которые Маршалл не мог видеть, тянулись по полу. Это напоминало тихое течение воды под аккомпанемент недоступного слуху царапанья и скрежета когтей по кафельному полу.

Маленький бес накрепко присосался к Маршаллу, как скользкая черная пиявка. Его когтистые пальцы обвивались вокруг ног Маршалла, словно щупальца спрута, удерживая его и отравляя его дух. Желтые выпученные глаза на шишковатой физиономии наблюдали за ним, буравя насквозь.

Маршалл чувствовал глубоко внутри все возрастающую боль, и маленький дух знал это. Но удержать этого человека становилось все труднее. Пока Маршалл стоял в пустом коридоре, в нем начало просыпаться чувство отчаяния, любви и горечи. Жалкие остатки *раздражения и запала* догорали. Он двинулся к двери.

Действуй, Хоган, действуй! Это же твоя дочь!

Маршалл решительно шагнул вперед. Демон, изо всех сил вцепившись в его ногу, волочился по полу. Глаза духа горели яростью, и серное дыхание с шумом вырывалось из ноздрей. Он распустил крылья, ища опоры, чтобы удержать Маршалла, но так и не смог ни за что зацепиться.

«Санди, дай же отцу хоть один шанс!» — в отчаянии думал Маршалл.

В конце коридора он уже почти бежал, большие ладони толкнули дверь с такой силой, что она с грохотом ударилась о стену здания. Сбежав по ступеням, он остановился на дорожке, обсаженной тополями, посмотрел на зеленую лужайку перед Стюарт-Холлом, оглянулся по сторонам, но дочери нигде не было.

Демон снова начал карабкаться вверх по его телу. Маршалл замер, одинокий и растерянный.

— Я здесь, папа.

Демон мгновенно скатился вниз и не удержавшись упал, злобно ворча от возмущения. Маршалл обернулся и увидел дочь, стоявшую почти возле той самой двери, с которой он только что сражался. Она явно пыталась укрыться от своих сотоварищей за кустами камелий и, похоже, собиралась хорошенько проучить отца. «Все равно это лучше, чем потерять ее», — подумал Маршалл.

— Прости, пожалуйста, — поспешно проговорил он, — но мне показалось, что ты не захотела узнать меня там, в коридоре.

Санди выпрямилась, готовясь встретиться с отцом лицом к лицу и показать ему, насколько она оскорблена, хотя по-прежнему не решалась посмотреть ему прямо в глаза.

— Это... так неловко получилось.

— Что именно?

— Да знаешь, все, что там произошло.

— Конечно. Но, видишь ли, я люблю мутить воду, некоторым будет что вспомнить...

— Папа!

— И кто же тогда снял табличку «Родителям вход запрещен»? Откуда мне было знать, что мое присутствие твоему лектору неуютно?! Что же это, позвольте спросить, такое сомнительно важное и тайное она хотела скрыть от посторонних?

Теперь наконец Санди почувствовала себя достаточно уязвленной, чтобы посмотреть отцу прямо в глаза:

— Ничего, абсолютно ничего. Обыкновенная лекция.

— А в чем же тогда дело?

Санди подыскивала подходящее объяснение:

— Не знаю. Я думаю, она тебя узнала.

— Не может быть. Я с ней никогда не встречался. — И тут же Маршалл задал моментально возникший вопрос: — Что ты имеешь в виду, говоря, что твой профессор знает, кто я такой?

Санди была в замешательстве:

— Я имею в виду... Не знаю... Может быть, она знает о твоей газете. Может, ей не нравится, когда вокруг шныряют репортеры.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я тут вовсе не «шнырял». Я только искал тебя.

Санди решила закончить этот разговор:

— Ладно, папа, хорошо. Она просто что-то неправильно поняла. Я не знаю, что ей не понравилось, но думаю, что лектор имеет право выбирать своих слушателей.

— А я, значит, не имею права знать, чему учат мою дочь?

Санди не стала отвечать и произнесла только:

— Ты *все-таки* подслушивал?

В эту же секунду Маршалл понял, что все потекло по старому руслу: началась та же обычная игра в «кошку с собакой», привычный для них «петушиный бой». Это было невыносимо. Маршалл не хотел этого, но он уже потерял над собой власть и не мог остановиться.

Что касается демона, тот ползал поблизости, щурясь на Маршалла, как будто тот был раскаленной лампочкой, и спокойно наблюдал за происходящим, ожидая развязки.

— Какой болван мог подумать, что я подслушиваю! — прорычал Маршалл. — Я тут оказался потому, что я твой отец, я люблю тебя и хотел подвезти тебя домой после занятий. Я знал всего лишь, что ты в Стюарт-Холле. Я просто пытался разыскать тебя, и вот...

Маршалл вздохнул и прикрыл глаза рукой, пытаясь остановиться.

— ...решил подсмотреть, чем я занимаюсь? — процедила Санди.

— А это запрещено?

— Ладно, я попытаюсь тебе объяснить. Я человек, папа, а у каждого человека — не важно, кто он такой, — есть свое место во вселенной, и поэтому он не может подчиняться воле других. Что касается профессора Лангстрат, то она вправе решать, пускать тебя на свою лекцию или выгнать!

— А кто же, собственно говоря, ей платит?

Санди пропустила вопрос мимо ушей.

— Что касается меня: чему я учусь и кем буду, куда я иду и чего хочу, — то ты не имеешь права вмешиваться в мой мир, пока я тебе сама не разрешу этого!

Маршалл зажмурил глаза и представил маленькую Санди, лежащую у него на коленях. Его злости необходимо было вылиться на кого-нибудь, но сейчас он всеми силами старался удержать себя от нападков на дочь. Он махнул рукой в сторону Стюарт-Холла и спросил:

— Так это — это *она* тебя научила?

— Это тебя не касается!

— Нет, я имею право знать!

— Ты потерял это право, папа, много лет назад.

Удар пришелся прямо под дых. Не успел он оправиться, как она уже уходила по аллее, прочь от него, прочь от их злобной и никчемной ссоры. Маршалл прокричал ей вслед что-то совсем идиотское, вроде: «А как ты собираешься добраться до дома?» Но Санди даже не замедлила шага.

Демон тут же воспользовался возникшей ситуацией, и в это же мгновение Маршалл почувствовал, что гнев и уверенность в своей правоте сменились глубоким сомнением. Он снова все испортил. Он сделал то, чего совсем не собирался и не хотел делать. И как он сорвался? Почему он никак не может сблизиться с дочерью, выразить свою любовь, завоевать ее расположение? Она должна была вот-вот исчезнуть из поля его зрения. Фигурка ее становилась все меньше и незаметнее на фоне университетского пейзажа. Казалось, она ушла так недостижимо далеко, что уже нельзя было дотянуться до нее любящей рукой. Маршалл всегда старался устоять в жизненных бурях, но сейчас ему было так плохо, что он ничего не мог поделать. Жизненные силы постепенно покидали его, и он стоял, глядя, как Санди, так и не обернувшись, исчезла за углом здания факультета психологии. Что-то сокрушилось в нем, душа его таяла, и не было в этот момент человека на свете, которого он ненавидел бы больше, чем самого себя.

Колени Маршалла ослабли под тяжестью печали, и он опустился на ступени перед старым зданием.

Демон запустил когти в его сердце, и несчастный отец пробормотал невнятно: «Зачем все это?»

Йиа-а-а-а-а! — раздался оглушительный рев из растущих невдалеке кустов, и оттуда сверкнул голубоватый луч. Демон вобрал когти и, отцепившись от Маршалла, испуганно отлетел, как муха. Он приземлился в отдалении, дрожа и подобрившись для защиты. Огромные желтые глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит, трясущаяся рука сжимала черную, как сажа, кривую саблю. Потом за кустами началась непонятная возня, какое-то суматошное движение, и источник света исчез за углом Стюарт-Холла.

Бес оцепенел, внимательно вслушиваясь и всматриваясь. Но кроме шелеста листьев, колеблемых легким ветерком, не доносилось ни звука. Он осторожно вернулся к месту, где по-прежнему сидел Хоган, и, миновав его, заглянул вначале за кусты, а потом за угол здания.

Ничего.

Длинные тягучие струи желтого пара струились из ноздрей, как будто он сдерживал дыхание. Несомненно, не могло быть ошибки в том, что именно он заметил. Но почему же они исчезли?